

Это не Атлантик-Сити Запада, как ошибочно утверждают амбициозные писатели. Эти два города несравнимы и, вероятно, никогда не смогут сравниться. Это все тот же Саут-Хейвен, который очаровал так много тысяч людей в прошлом и надеется очаровать столько же тысяч в будущем. Не приезжайте в Саут-Хейвен с мыслью найти Кони-Айленд или Атлантик-Сити, потому что вы будете разочарованы. Если вы ищете идеальное место, чтобы провести неделю, месяц или год разумно и рационально, тогда приезжайте в Саут-Хейвен, это именно то самое место.

*«Живописный Мичиган»,
брошюра 1913 года, автор неизвестен.*

САУТ-ХЕЙВЕН, ШТАТ МИЧИГАН

Пролог

Бетти
Сентябрь 1951

Любая другая невеста, возможно, посмотрела бы в зеркало, затем отошла в сторону и оглянулась через плечо, чтобы бросить на себя еще один взгляд. Но только не Бетти. За сегодняшний день она ни разу не взглянула на себя в зеркало и вообще всю неделю избегала сталкиваться глазами со своим отражением. Она знала, что девушка по ту сторону зеркала не была ею. Бетти Клэр Штерн больше не существовало. Ей хотелось сказать, что она умерла, но Бетти помнила о своей репутации любительницы переигрывать.

Осторожно примостившись на подоконнике и подмяв под себя слой хрустящего кринолина, Бетти осмотрела свою комнату. Выполненная в розовых тонах с цветочным узором, комната идеально подходила для взросления, игр с подругами и уединения. Кусочек пляжа Норт-Бич и озера Мичиган, на которые выходили окна, тоже были идеальными. Она повернулась, посмотрела в окно на запад и вздохнула.

Уже завтра озеро Мичиган останется на востоке, а ее спальня, которую она никогда не видела, и в которой скорее всего не будет розовых букетов, сможет похвастаться лишь видом на клочок травы или крыльцо. Бетти собиралась пере-

хать из Мичигана в Иллинойс, из Саут-Хейвена, расположенного на озере, в пригородный городок Скоки.

По большому счету, это было не так уж далеко. Всего несколько часов езды на машине.

Но будет ли у нее машина?

Бетти приподняла волосы, уложенные в локоны на затылке, и обмахнулась. Она вдохнула через нос, поджала губы и шумно выдохнула. Капельки пота выступили на лбу. Если бы она промокнула их или вытерла, то испортила бы толстый слой матовой пудры, поэтому она наклонилась вперед, и легкий бриз коснулся ее лица, освежая и высушивая влагу. Воздух охладил кожу Бетти, и внезапно она ощутила озноб.

Это всего лишь предсвадебный мандраж. Согласно «Дамскому журналу по домоводству», нормальное явление. И разве Бетти не стремилась к нормальной жизни?

Нервы — совсем не то же самое, что сомнения.

По берегу озера, широко размахивая руками, прогуливался мужчина. Его рубашка была выправлена поверх шорт. На секунду сердце Бетти в надежде заколотилось, но тут же успокоилось, возобновив свое ровное биение. Сегодня не могло быть никаких неожиданных посетителей. Никакой спонтанной поездки, прогулки или рожка мороженого. Этот день был идеально спланирован, начиная с ее платья и заканчивая гостями, цветами и едой. Ей следовало перестать мечтать и строить предположения. Парень на пляже казался странным — беззаботным и расслабленным. Скорее всего он искал оброненные монеты. Нет, вероятно, он собирал на пляже кусочки морского стекла для своей возлюбленной, как это делали приезжие в течение всего лета.

На протяжении всей жизни эти сокровища ожидали Бетти прямо за дверью. Иногда она собирала их. Иногда не замечала. Но они были в пределах досягаемости. Бетти собралась было покинуть свою комнату и отправиться на поиски этих сокровищ, на мгновение забыв, что сегодня выходит замуж.

С таким же успехом это пляжное стекло могло находиться на Луне.

Отвернувшись от окна, Бетти прижала руки к груди, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Где бы она ни жила или куда бы ни поехала, ее сердце навсегда останется в Саут-Хейвене, где она определяла время по закатам, отслеживала миграцию птиц и уровень дождя. С семи лет она чистила морковь на кухне семейного курорта и научилась пользоваться гладильным прессом, когда ей было двенадцать.

Бетти привыкла к календарю, состоявшему только из летних месяцев и мертвого сезона. Ей всегда нравилось, как со Дня поминовения до Дня труда население города увеличивалось с шести до тридцати тысяч. Лето превращало ее скромный городок на берегу озера в «Катскилл Среднего Запада». Она очень гордилась, когда этот рекламный лозунг напечатали большими ярко-желтыми буквами на брошюре летнего курорта Штерна «Лучшее место для семейного отдыха в Саут-Хейвене». Но она любила и межсезонье — безмятежность осени и уединение зимы, — когда все внимание бабушки и дедушки было приковано к ней. Особенности Саут-Хейвена были так же привычны Бетти, как ее голубые глаза.

Бетти оглядела рассыпанные по тюлю жемчужины, которые бабушка пришила к верхнему слою ее свадебного платья длиной до середины икры. Они блестели и переливались в солнечных лучах, словно песчинки. Платье было идеально подогнано и превосходно подчеркивало ее фигуру. Тем не менее, не это планировали ее бабушка и дедушка для своей единственной внучки.

Все равно, бабушка заказала лучший материал у своей подруги, портнихи из Чикаго, а затем в рекордно короткие сроки сшила платье без выкройки. Если бы у Бетти было время, которое при данных обстоятельствах становилось роскошью, она выбрала бы именно это платье. Она почти могла представить себя просматривающей последние журналы

свадебной моды в компании Джорджии и Дорис и указывающей на это платье как на «то самое». Она уже решила, что будет рассказывать именно такую историю об этом свадебном платье.

На самом деле все было по-другому. В течение трех недель, до конца лета, бабушка занималась только шитьем и вышиванием бисером, пренебрегая своими обязанностями хозяйки курортного комплекса. И все это время, зажав в зубах портновские булавки, она бормотала на смеси идиша и английского о своих проблемах, о своих цурис*.

Бетти просила ее не утруждаться шитьем платья. Она купила бы что-нибудь красивое в универмаге «Лемон». Но бабушка не позволила бы своей внучке выйти замуж в шмата** с вешалки. Что сказали бы люди?

Бетти провела руками по бедрам, скрытым пышной юбкой в сборку длиной чуть ниже колен. Платье было довольно длинным, чтобы считаться скромным, но достаточно коротким, чтобы показать ее подтянутые икры — результат летних занятий ритмической гимнастикой, необходимости носить в прачечную кучи белья и танцев на пляже с подругами после наступления темноты. Она поджала губы, прогоняя из головы непрощенные мысли. Бетти коснулась выреза, который спускался чуть ниже золотого медальона у нее на шее. Его ей подарил дедушка, как проявление надежды, что ее будущее «будет таким же блистательным», сказал он. Бетти понимала, что его подарок был своего рода утешением, но прагматичный Зейде никогда не сказал бы ничего плохого, чтобы не искушать судьбу еще больше. Бетти задумалась, мог ли медальон стать для нее «чем-то новым».

— Тук-тук. — Дверь открылась, и вошла Джорджия с таким видом, будто участвовала в спектакле одного актера. Ее волосы были завиты и уложены в модную пышную приче-

* Цурис (*идиш. tsuris*) — «заморочки»; неприятности, проблемы.

** Шмата (*идиш. shmata*) — тряпка.

ску — Джорджия терпеть не могла такие. А Бетти любила хороший начес, и никогда не смогла бы забыть эту жертву своей подруги ради моды и дружбы.

— Поверить не могу, что ты здесь, — воскликнула Бетти.

— Я бы ни за что не пропустила такое событие. — Джорджия пожала плечами. — К тому же сегодня воскресенье. Занятий нет. Я приехала вчера и привезла это. — Она покрутилась и остановилась как утомленная балерина, танцующая на музыкальной шкатулке.

Ее платье без рукавов, длиной чуть ниже колен, было изысканным и чудесно облегло изгибы. Жёлтый, как кукуруза в початках, цвет подчеркивал ее золотисто-медные волосы и оттенял янтарные искорки в зеленых глазах. Даже веснушки на носу Джорджии, казалось, сверкали. И неважно, что платье больше подходило для лета, чем для осени. Она могла бы надеть комбинезон или белые теннисные туфли, Бетти было бы все равно.

— Ты выглядишь прекрасно. Ты же знаешь, что тебе не положено превосходить невесту по красоте.

— Да брось, Бетти, не будь смешной! Ты просто сногшибательна. — Джорджия схватила Бетти за руку и закружила ее словно партнершу в танце, пока Бетти не остановилась. — У тебя будет замечательная жизнь. Я это знаю, — сказала Джорджия. — И Дорис тоже так думает, а она в таких вещах разбирается. Она жутко расстроилась, что не смогла взять выходной.

Бетти закашлялась и внезапно разрыдалась. В горле запершило, словно она наелась песка, и Бетти представила, как ее тушь растекается, капая на платье черными горошинками. Она вытерла слезы пальцами, но тут Джорджия достала из своего атласного, цвета слоновой кости клатча сложенный носовой платок и протянула его подруге. Бетти промокнула под глазами, после чего Джорджия усадила ее на одну из одинаковых кроватей, на которых они часто оставались ночевать.

— Ты скоро увидишься с Дорис. Как только переедешь в Скоки, то будешь совсем недалеко от нее.

Бетти покачала головой.

— Ты ведь не поэтому расстроена? — Джорджия обняла Бетти за плечи. — У тебя все будет хорошо. Ты приняла правильное решение.

— Так ли это? — ахнула Бетти. — Может, мне еще не поздно поступить в колледж? Я могла бы сказать, что планы изменились, попросить отсрочку. Как думаешь, они бы меня еще приняли? Я могла бы последовать своему первоначальному плану.

Или, по крайней мере, новому варианту ее первоначального плана.

— Ты правда этого хочешь? Гости уже начинают прибывать.

Даже Джорджия не хотела слышать о ее сомнениях. Бетти хранила свои истинные чувства глубоко в сердце, где они тревожили только ее. Она повертела в руках обручальное кольцо с бриллиантом в один карат, еще не привыкнув ни к его весу на пальце, ни к сверканию..

В коридоре раздались шаги. И в комнату вошла бабушка. Четыре фута одиннадцать дюймов никогда еще не выглядели такими высокими.

Джорджия встала и послала Бетти воздушный поцелуй.

В дверь позвонили.

— Все должны были зайти с обратной стороны во внутренний дворик. Так было указано в приглашениях, — сказала бабушка. — Джорджия, не могла бы ты открыть дверь и перенаправить гостей? Я знаю, что их всего дюжина или около того, но я не хочу, чтобы они все бродили по дому.

— Конечно, миссис Штерн. — Она наклонилась и прошептала Бетти на ухо. — У тебя все будет хорошо. Все будет прекрасно. Как всегда.

Близость должна была успокоить ее, но уверенность ее лучшей подруги нервировала. «Прекрасно», как понимала Бетти, было понятием субъективным. Джорджия в своих атласных босоножках цвета слоновой кости неторопливо удалилась, ее икры оставались подтянутыми после лета, проведенного за игрой в теннис. Она оставила дверь открытой.

— Дай мне на тебя посмотреть. — Бабушка взмахнула руками, чтобы Бетти встала. — Повернись.

Бетти не повернулась. Она просто стояла, выпрямив спину и расправив плечи. Благодаря атласным туфлям-лодочкам на трехдюймовых каблучках она возвышалась над бабушкой, и это было единственным преимуществом Бетти. Пусть даже призрачным.

Бабушка не собиралась терпеть упрямство Бетти. Одетая в платье королевского синего цвета, которое она сшила сама, с фетровой шляпкой в тон, украшенной сбоку маленькими белыми перьями — этот наряд она надевала на выпускной вечер Бетти в мае, — бабушка быстро, но нежно оттащила внучку от окна к овальному позолоченному зеркалу, которое висело над комодом. Бетти, Джорджия и Дорис всегда воображали, что это волшебное зеркало из сказки «Белоснежка», даже когда были слишком маленькими и не доставали до него.

— Ты прекрасна, — вздохнула бабушка, приглаживая волосы Бетти спереди, что было излишним, учитывая, что их уже залили лаком. Но мягкое прикосновение бабушкиных рук заставило Бетти закрыть глаза и пожелать, чтобы, когда она их откроет, снова был июнь, и она смогла бы заново пережить лето. Глупая мысль, просто девичья прихоть, но еще одна не повредила бы.

Бабушка достала из кармана маленькую красную ленточку, завязала ее крошечным, как кончик мизинца, бантиком, а затем вытащила из своей шляпки булавку. Одним быстрым движением она отодвинула вырез свадебного платья Бетти и приколола красную ленту к бретельке бюстгальтера.

— Не думаю, что тебе нужно защищать меня от дурного глаза, — сказала Бетти.

— Кинехора, кинехора, пу-пу-пу*, — бабушка бормотала слова на идише и издавала звуки, которые отогнали бы злых духов, пришедших украсть удачу Бетти. — Ты же знаешь, что если все идет хорошо, и мы забудем сказать «кинехора», то случится что-то плохое.

— Я знаю.

— Каждая невеста прикалывает красную ленту. Так ты выглядишь несовершенной для злых духов. Это дополнительная защита.

— Бабушка...

— Сегодня все увидят лишь прекрасную девушку в красивом платье, которая выходит замуж за привлекательного парня. Бетти закатила глаза.

— Ладно, он не такой красивый. Но красота не всегда важна.

Бетти отвернулась, лето наступало ей на пятки, побуждая бежать.

— Я больше не уверена, что хочу этого.

— Открою тебе секрет. Я жутко волновалась перед свадьбой с Зейде.

— Не может быть!

— Да. Я уезжала от своих родителей. От всего, что знала. Замужество — это совершенно новый образ жизни, и я понятия не имела, смогу ли в нем преуспеть. Понравится ли мне оно — прошептала бабушка. — Но, если расскажешь Зейде, я буду все отрицать.

Бетти улыбнулась, комок в горле стал меньше.

* Кинехора, Кинехора, пу-пу-пу (*идиш.* Kinehora, kinehora, роо-роо-роо) — еврейское суеверие, традиция отгонять злых духов. Подобно русскому «постучать по дереву» или «плонуть через левое плечо».

Повороты судьбы

— Мандраж пройдет, и у тебя будет муж, с которым ты сможешь построить свою жизнь. — Бабушка приподняла указательным пальцем подбородок Бетти. — Ты очень счастливая девушка. — Она прочистила горло, и ее тихий, строгий голос лишился хриплых ноток. — И знаешь, что еще?

— Что?

— Ему тоже повезло.

Бетти слотнула, заморгав так быстро, как колибри хлопает крыльями. Но, даже несмотря на попытку бабушки, взяв за руку, успокоить ее, они уже начали отдаляться друг от друга.

Глава 1

Буп
Лето 2017

Буп Пек все пересмотрела в поисках своей любимой помады. Ее не было ни в ванной, ни в сумочке, ни в спальне, ни в кармане. Буп передернуло от такой несправедливости: она помнила свой первый номер телефона –359J — но не местонахождение помады, которой красилась вчера. Или это было позавчера? Она огляделась по сторонам и снова похлопала себя по карманам. Ничего. Пропавшая помада — еще, конечно же, не конец света. Пусть даже «Пунцовую розу», ее любимый цвет, сняли с производства.

Бог с ней, с помадой.

Скоро придут девчонки. Нет, скоро придут дамы. Буп усмехнулась. «Дамы» звучало напыщенно, скучно и неправильно. Даже в восемьдесят четыре Буп и ее подруги всегда останутся девчонками и уж точно никогда не будут скучными.

В ванной комнате Буп взглянула в зеркало на свое отражение на фоне цветочной занавески для душа. Волосы, которым она позволила поседеть под бдительным оком и умелой рукой своего чикагского парикмахера, потеряли большую часть своей упругости, но оставались слегка волнистыми. В прошлом году она подстригла их в боб длиной до подбородка. Буп заправила волосы за уши. Она совсем не походила на ту девчон-

ку, которая выросла здесь, в те времена, когда все звали ее Бетти. Когда она была Бетти.

Буп повертела головой из стороны в сторону. В прежние времена ее волосы касались бы щек. Марвину не понравилась бы эта стрижка, но он никогда не обращал внимания на морщины на ее лбу или щеках, которые она любила покрывать румянами.

Вот уже три года она была вдовой. Перестанет ли она когда-нибудь задаваться вопросами о том, что подумал бы Марвин?

Буп полагала, что ее элегантность и чувство стиля со временем, подобно вину, стали только лучше. Многие годы она смешивала богемную боббэ* с пляжным шиком. Когда ее внучки, Ханна и Эмма, были подростками, они окрестили ее стиль «Буп-шик».

У женщины, отражавшейся в зеркале, был особый стиль.

А когда придут девчонки, у нее появится еще и смысл жизни.

Буп надела мягкую желтую рубашку-платье из искусственного шелка с рукавами длиной до запястий, украшенных серебряными браслетами. И тут ее осенило — может быть, звон металлических украшений каким-то образом повлиял на нее — и место, куда она положила «Пунцовую розу», всплыло в памяти, словно ждало приглашения. Помада Буп покоилась вместе с мелочью в небольшой белой чаше «Ленокс», когда-то принадлежавшей ее бабушке.

Накрасив губы, Буп спустилась вниз, к окну, и натянула рукава пониже, защищаясь от прохлады позднего мая. Она наклонила голову и заметила стаю чаек, отдыхавшую на сверкающей поверхности озера Мичиган. «*Мое озеро*». Они выглядели так, будто кто-то объявил заседание открытым. Птицы

* Боббэ (*идиш. bubbe*) — бабуля, бабушка.

заскучали? Или они знали, что с наступлением выходных на День поминовения придут отдыхающие, а вместе с ними появится обилие крошек и корок?

Буп потеряла руки, безуспешно пытаясь их согреть. Было время, когда она не обратила бы внимания на холод и, сняв с себя свитер и бросив его на полу, выскочила бы за дверь, позволив той с грохотом захлопнуться, хотя Буп была хорошо воспитана. Она сбросила бы туфли, если была в них, и побежала бы на пляж, пиная ногами песок так высоко, что он оказался бы у нее в волосах.

Буп не могла вспомнить, когда последний раз гуляла по пляжу, не говоря уже о том, чтобы что-то пинать, и это не имело никакого отношения к ее памяти.

С тростью жутко неудобно гулять по песку.

Из кухни донесся пронзительный звонок стационарного телефона Буп. К тому времени, как она добралась до единственной телефонной трубки, которая была прикреплена к стене с шестидесятих годов, телефон перестал звонить. Перезвонят.

Буп устроилась за кухонным столом, посмотрела на часы. Спальни подготовлены: свежее постельное белье, новые полотенца и пучки сушеной лаванды, перевязанные фиолетовой лентой. Она открыла окна, чтобы дом освежил легкий ветерок. И все же, времени на безделье не было. Буп прикинула, что у нее есть минут пятнадцать-двадцать до приезда девочек, как раз достаточно, чтобы сварить кофе без кофеина и приготовить послеобеденный перекус. Она наполнила вазу маргаритками, любимыми цветами Дорис, и достала украшенные вышивкой тканевые салфетки, которые обычно приберегала для праздников. Ведь это событие казалось почти торжеством, которого у нее давно не было. Она достала из холодильника